

© 2005 г.

В.И. БАКШТАНОВСКИЙ, Ю.В. СОГОМОНОВ

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ РАКУРСЫ

БАКШТАНОВСКИЙ Владимир Иосифович - доктор философских наук, профессор, директор НИИ прикладной этики Тюменского нефтегазового университета. СОГОМОНОВ Юрий Ваганович - доктор философских наук, профессор Владимирского филиала РАГС.

Едва ли не первый образ, возникающий в нашем сознании в связи с выражением "профессиональная этика (мораль)" - клятва Гиппократов. И можно ли считать случайным, что написанная одним из первых систематизаторов профессионально-нравственных норм клятва на верность профессии врача появилась в среде людей, *призванных самоотверженно служить человеку*. Действительно, к целому ряду (типу) профессий предъявляются особые требования. Причем к деятельности врача, учителя, адвоката, инженера и т.д. - максимальные, а к специалистам в иных видах деятельности, например, к торговцам, ремесленникам, фермерам и т.п. - более умеренные. Давно замечено, что от врача ожидают высочайшего, почти героического самопожертвования: обычно для него недопустимо использовать профессию только как прибыльное занятие - врач должен *прежде всего* иметь в виду благо других людей. В то же время торговец, фермер или ремесленник *могут* принимать во внимание благосостояние других наряду со своим собственным.

Люди, которые делают *нечто*, чего не умеют другие, сразу же оказываются перед лицом определенных обязанностей по отношению к тем, кто пользуется их услугами. Это - распространенный аргумент в объяснении необходимости профессиональной этики. При намеренном уклонении от дискуссии о (не)целесообразности различения собственно профессиональной и трудовой, деловой и прочих *вне*профессиональных видов прикладных этик в таком способе аргументации содержится вполне определенная логика: именно так возникают нравственная ответственность специалистов, их моральный долг. При осознанном включении в дискуссию аргументация становления собственно профессиональных этик дополняется апелляцией к социальной ответственности профессии, профессиональному призванию и служению, саморегулированию профессии, к необходимости оправдания и ограничения власти профессионалов над людьми и т.п. Соответственно, для чисто *этического* дискурса алгоритм рассуждения о природе профессиональной этики предполагает ряд последовательных шагов. Первый из них - характеристика *миссии* (а не только функции) профессиональной этики. Затем следует анализ "морального измерения" природы профессии. Особое внимание при этом уделяется роли *этики ответственности* (в отличие от *этики убеждения*) и идеи *конвенциональности* в профессиональной этике как одного из видов прикладной этики. Далее - "мировоззренческий ярус" профессиональной этики: через подход к выбору профессии как к процессу морального выбора и через обсуждение дилеммы "служение в профессии или жизнь

за счет профессии?". Следующий шаг алгоритма связан с обращением к феномену саморегулирования профессии и предполагает исследование природы и духа профессионально-этических кодексов и роли этических комитетов профессиональных сообществ. Разработав и обосновав этот алгоритм [1], в большей или меньшей степени соблюдая его, мы исследовали предпринимательскую, политическую, журналистскую этики, этику воспитания и др. [2]. Выбранный нами для данной статьи *социологический* ракурс определяет концентрацию внимания к ряду особых вопросов. Но при любом развороте темы ощущается потребность начать с исторического предисловия.

Сегментация социума и профессиональная этика

Мир *профессий* начал складываться - технико-организационно и психологически - на исходе Средневековья, хотя своими корнями он восходит к зрелой античности. Напомним об основных композиционных линиях общемодернизационного процесса, обусловивших широкую *профессионализацию* социума. В ту эпоху в Европе произошли впечатляющие по интенсивности и широте протекания процессы роста общественного разделения труда как основы уже профессионального разделения (это было проанализировано и выразительно описано в трудах классиков политэкономии и социологии). Вместе с тем происходило отслоение частной жизни от публичной, ставшей средоточием профессионализации разного свойства. Почти одновременно от сельского образа жизни отпочковался образ жизни урбанистический. Последний опять-таки концентрировал профессиональную деятельность различных профилей. Примерно тогда же форсировались процессы политогенеза и, несколько позднее, нациогенеза. Оба они востребовали для своего функционирования расширение корпуса образованных и специально подготовленных кадров. Возрожденческого универсального человека стал теснить человек эпохи Просвещения, уже порядком профессионализированный. Это вызвало к жизни массовую школу, ремесленные учебные заведения, необходимые для обеспечения роста производительных сил, транспортной инфраструктуры, управления и военного дела.

Из обломков цельнокроеной социальной системы одна за другой выстраиваются сравнительно самостоятельные функциональные подсистемы и полифункциональные сферы деятельности. Они обладают собственными факторами динамизации. Из хозяйственной, домашней (ойкосной) деятельности образуются экономика и финансовая сфера. Из деятельности управленческой складывается сфера политических отношений и организаций. Выделяется сфера правовых отношений и институтов, образовательно-воспитательных учреждений, медицины и науки и т.п. вплоть до спорта, информационно-развлекательной сферы - последние ближе к нашему времени. При этом близкие и отдаленные последствия форсированной профессионализации социума оказались амбивалентными: без нее вряд ли были бы возможны грандиозные перевороты в сфере производства, культуры, технического и научного прогресса и даже всего образа жизни человека. Но эти же последствия обусловили рост отчуждающих феноменов, образование "частичного человека" и "профессионального кретинизма" - в терминологии XIX века, вдохновленного утопическими идеалами всесторонне развитой личности, которые в значительной мере утратили привлекательность в XX в. Профессионализация внесла весомую лепту в сложнейшие процессы прежде холистского социума, без понимания которой невозможно приступить к дискурсу о происхождении и природе профессиональной этики (морали) - в данном тексте понятия *этика и мораль* используются как равнозначные, а если они и различаются, то это особо оговаривается.

В практиках взаимодействия профессионалов друг с другом и с потребителями продуктов их труда, в опыте регулирования их деятельности и появились зачатки профессиональной этики - они дополняли обычные административно-правовые ре-

гулятивы (нормы, санкции, мировоззренческие рефлексии). Об этом свидетельствуют университетские библиотечные каталоги начала-середины XVI столетия. Естественно, в них указывались прежде всего труды по медицинской этике, опирающиеся на письменные и устные свидетельства времен античности, которые по-разному оценивали этический фактор во врачевании. Складываются этика банковского дела и торговли, адвокатская этика и этика отношений в области науки и образования и т.д.

Вначале речь идет преимущественно о *повышенных требованиях* к поведению профессионалов в отдельных сферах деятельности, а не о каких-то новых моральных требованиях. В основном в тех сферах, которые непосредственно связаны с удовлетворением жизненно важных потребностей людей с помощью высококвалифицированного труда. В такого рода видах деятельности административно-организационных и даже правовых регулятивных инструментов оказывается недостаточно, так как деятельность профессионалов не уместится в систему технологически строго упорядоченных действий: труду в этих сферах не свойственны жесткая планированность и формализованность, позволяющие сравнительно просто применять названные регулятивные механизмы.

В то же время профессиональный труд опосредован разносторонними комплексами гуманистических интенций и мотивов, поскольку от эффективности этого труда зависят состояние здоровья, духовный мир и положение человека в обществе, защита его прав и основных жизненных ценностей. Максимально индивидуализированный, подобный труд исчисляется, как правило, через воздействие на последующую жизнедеятельность людей. Тогда-то и возникает необходимость в новых побуждениях, ограничениях и запрещениях, в новой мотивации, ценностях и идеалах. Все это вызывает новую - более высокую и многогранную - *моральную* ответственность. В ряде случаев это потребовало выработать (а затем и зафиксировать) особые кодексы, декларации о намерениях, всевозможные "клятвы". Они были призваны, с одной стороны, обеспечить следование профессионалов определенным стандартам поведения, в которых так или иначе находили выражение интересы "пользователей" профессиональной деятельности, а с другой - поддержать моральный престиж и репутацию сообществ профессионалов в "большом" обществе, внушить к ним доверие и тем самым обеспечить материальные и духовно-нравственные предпосылки для собственного развития членов этих сообществ. Наряду с требованиями, обращенными вовне, профессиональные сообщества стремились выработать и закрепить моральные нормы, регулирующие взаимоотношения их членов. Весьма характерны в этом смысле уставы, определяющие жизнедеятельность цехов в городах Западной Европы.

Совокупность новых ценностей и норм поведения образует ту или иную профессиональную этику. При этом часто возникают своеобразные синтезы моральных, правовых, политико-административных, общекультурных норм и соответствующих смешанных видов ответственности отдельных профессионалов, целых организаций, профессиональных сообществ. Такого рода ценности и нормы преобладают в кодексах профессиональной деятельности, но не всегда ясным соображениям именуемым именно моральными.

Из какого же духовного материала "лепится" профессиональная мораль? Нередко авторы специальных работ и учебных пособий, описывающих природу профессиональной этики, довольно упрощенно представляют дело таким образом, будто с незапамятных времен существовала некая *общественная* мораль. Затем при каких-то обстоятельствах от нее откололась, отщепилась или же отсепарировалась часть, которой предстояло служить моралью, практикуемой в различных профессиональных средах. Ей предназначалось стать как бы "прикомандированной" для обслуживания указанных сред, будучи соответствующим образом приспособленной для этой миссии. Но так ли это?

В этом пункте рассуждений исследователь наталкивается на сложную проблему: всегда ли существовали общество и мораль как таковые и, стало быть, общественная мораль? Тем самым инспирируется ситуация радикального сомнения пирронистского или кантианского толка. Дело в том, что дает о себе знать инертное, неотрелексированное понимание, как "общества", так и "морали". "Общество" обрекается на восприятие его в качестве некой надприродной данности, а не как сложнейшего итогового продукта длительной исторической эволюции. Но его существование вовсе не случайно не смогло обрести сколько-нибудь адекватного отражения в европейских (и не только европейских) языках, в соответствующих речевых практиках. Проще говоря, понятие "общество" отсутствовало в их лексиконе. Оно на удивление оказалось как бы засекреченным, зашифрованным и не встречается в текстах тех эпох. Видимо, создатели текстов не испытывали сколько-нибудь актуальной потребности в нем, либо они пользовались какой-то криптограммой, что практически невероятно. И то, что сейчас термин "общество" привычно опрокидывается в прошлое, является модернизационной аберрацией. Фактически им обозначаются конгломераты или россыпи всевозможных общностей, которым еще только предстоит развиться до уровня "общества" [3].

Приблизительно такая же картина наблюдается с понятием "мораль". На заре Нового времени не существовало морали как таковой, как мы ее сейчас воспринимаем и понимаем. Более того, в ходу еще не было и самого слова "мораль" - оно имело иной смысл, почти неразличимый от нравов, обычаев и *народной нравственности*, и только позднее появился аутентичный смысл этого понятия. Под народной нравственностью, скорее всего, надо понимать нормативно-ценностные образования, которые хотя и не утратили локалистской привязки, но уже обрели некоторые свойства ограниченного универсализма. Эти свойства опирались на императивность и санкции ценностей мировых религий. Это еще не универсализм морали в собственном смысле слова (речь идет только о субоикуменах макроцивилизации). Подобная нравственность практиковалась в отношениях между людьми части крестьянских общин, городских коммун и специфических объединений полупрофессионального типа (например, купечество, казачество и др.). При этом значительную роль играют нравы, порожденные городским образом жизни, нравы провинциального преднационального уровня [4].

Становление общества и общественной морали как таковых протекало на бескрайнем поле ойкумены не повсеместно и "такт в такт". Речь идет о *гетерохронных* процессах, протекающих в различных темпах и с неодинаковой основательностью. Вместе с ними, опережая или отставая по хронометру истории, совершалась консолидация профессиональных сообществ с собственными инструментами регулирования и ориентирования их деятельности. Возможно приставка "пред" (предобщество, предмораль) смогла бы умиротворить вероятных критиков представленной здесь в чем-то шокирующей гипотезы? Гипотезы, которая не просто констатирует в определенные периоды истории отсутствие общества и морали, но и фиксирует наличие наиболее продвинутых локальных нравов, движение от предпосылок, рудиментов общественной жизни к ее развитым формам, а превращение "предобщества" в общество представляется как исторически длительный процесс, практически совпадающий со становлением гражданского общества и началом постмодернизации. Но разве обществу не достаточно было инструментария, который предоставляла уже складывающаяся общественная мораль? Необходима ли была особая - профессиональная - мораль? Какие социальные предназначения (миссии и функции) предстояло выполнить именно ей?

Конкретизация: акт креации

В этической литературе и в некоторых речевых практиках имеет хождение суждение, согласно которому вовсе не существует какой-то особой профессиональной этики. С этой точки зрения прибавление к основным понятиям этики (долг, совесть,

достоинство, честь, ответственность и т.д.) прилагательного "профессиональные" не добавляет никакой новой информации к той, что была известна до этого. А прибавлять к понятиям "добро" и "зло" слово "профессиональное" - просто курьезно. Отсюда вывод: профессиональная этика в ее отраслевых ипостасях - всего лишь фантом рефлексирующего сознания. Развивая свой тезис, сторонники такого рода негативно-методологической позиции выстраивают соответствующую аргументацию: стоит лишь доверчиво согласиться с идеей существования "какой-то" профессиональной этики, параллельной этики или тем более этики, дублирующей общеизвестную мораль, - говорят они - как незамедлительно начнут расшатываться барьеры, до сего времени препятствующие расползанию настроений и установок релятивизма со всеми вытекающими из этого факта удручающими последствиями для нравственной жизни общества. Такими, как хаотизация мира ценностей, неразборчивость в выборе средств достижения индивидуальных целей, моральное двойничество (биморализм) и т.п. Не это ли неотвратимо расшатывает моральный порядок в социуме, подрывает его нормативную логику, вносит весомый вклад в моральный кризис, который разъедает всю систему общественных отношений индустриально-урбанистической цивилизации и, в конечном счете, приводит к ее саморазрушению, к дестабуляции пороков и насилия?

Известной поддержкой пользуется другая критическая версия относительно возможности и необходимости самого существования профессиональной этики. В отличие от первой, данную версию характеризует сдержанность в оценочных суждениях. Мы обозначаем эту версию как "исключенческую", поскольку она все же допускает в крайне редких, едва ли не в экстремальных, случаях использование моратория на общепризнанную и непререкаемую императивность моральной нормы. Согласно этой версии существование профессиональных этик допускается из-за отступлений от общих моральных норм, которые диктуются своеобразием профессии. При этом речь идет об отступлениях, исключениях, претендующих на моральный статус: "исключения из правил, подтверждающие правило". Сторонники этой версии утверждают, что речь идет о таких исключительных ситуациях, когда лучшим способом следования норме является отступление от нее. При этом выделяется два типа ситуаций: (а) допускающие нравственно аргументированные отступления от добра и (б) нравственно санкционирующие использование зла. Но как, спрашивается, установить пределы для исключений? Возможно ли выработать правила, которые позволят надежно отделить приемлемые исключения от недопустимых? Как, поставив под сомнение непреложность моральных требований, приостановить релятивизацию нравственной жизни общества? Оказавшись в западне трудноразрешимых задач, этика сделала важный шаг в сторону от "исключенческого" подхода. Она задалась вопросом иного свойства: а что, если дело вовсе не в исключениях и, тем более, не в последующих пассажах "минимизаторов", как, впрочем, и не в плачевном состоянии морали, "неосторожно угодившей" в непригодные для нее сферы профессиональной деятельности, а в формировании *особого типа морали*? Или, лучше сказать, дело в *доразвитии морали*? И тогда нас должны беспокоить не столько проблемы соотношения морали и экономики, морали и политики и т.п., сколько проблема *преобразования морали* в тех случаях, когда она *прилагается* к этим сферам. Не в этом ли процессе возникает профессиональная этика, природу которой мы обсуждаем?

Поиск ответов на эти вопросы шел с различных сторон. Наиболее очевидной казалась идея признания неизбежности существования особой профессиональной морали в модернизирующемся мире (в традиционном социуме профессионализм еще не стал явлением массовым, во всяком случае, по сравнению с современным миром). Хотя специализированные звенья социальной организации были отражены в разных деонтиках, в соответствующих кодексах профессиональной деятельности уже в эпоху эллинистических царств или Римской империи, первые работы по профессиональной этике появились лишь на заре Нового времени. Однако, рассуждая в подобном ключе, сторонники этого подхода обязаны отдавать себе отчет в поджидающих

их новых трудностях: с *моралью* ли мы имеем дело в случае, когда говорим о профессиональной этике? Возможно, это вовсе и не мораль!?. Но тогда что же? Какая-то - допустим - "альтернативная мораль", "контрэтика" или, что более вероятно, сумма неких организационно-технических правил поведения в названных отраслях и сферах?

Обсуждая эти вопросы, обратимся к суждениям социолога-систематика Н. Лумана, показавшего, что в ситуации *сегментации* социума, в дифференцирующихся сферах и видах человеческой деятельности оказалось трудно оперировать такими терминами, как "добро" и "зло". Обнаружилось, что устранение термина "мораль" из функциональных подсистем (экономика, политика, рекреация, право и т.п.) как бы одобрялось самой моралью, тогда как усердное и бесплодное морализирование ею же осуждалось. По выражению Лумана, возникли затруднения с двузначным кодированием "хорошо/плохо" в ситуации становления названных подсистем. Такие затруднения он назвал "парадоксамиморального кода" [5].

Выше уже говорилось о "народной нравственности", образующей особый слой в моральном сознании и моральной онтологии. Поэтому нам кажется убедительным объяснение П. Бурдье, который ссылается на известные отличия в самом понимании добродетелей в ценностном контексте народной нравственности и в контексте рационализирующейся морали [6]. Мы исходим из того, что социология морали не воспринимает мораль как духовно-практический монолит, различая в морали исторические и функциональные качественно разнородные слои. Когда в Новое время начался процесс дезинтеграции будто бы высеченного из одной глыбы социума (при одновременном преодолении феодальной раздробленности в политическом отношении), пришла пора *автономий* в практической и интеллектуальной жизни людей. "Отслоились" в самостоятельные области не только политика, экономика, религия, право и т.п. Автономизировалась и сама мораль. Она стала отделяться от пестрых обычаев, обычного права, от обрядов и кристаллизовалась в качестве специфического и универсального средства регуляции и ориентации поведения. Только тогда она стала моралью как таковой, достигшей стадии исторической зрелости.

Дуалистическая природа морального феномена (он и функционален и, вместе с тем, самоценен) позволяет обнаружить и зафиксировать в нем две существенным образом различающиеся стороны: *формальную* и *содержательную*. Это открывает путь к развитию двух исследовательских программ, последовательно выявляющих природу морали в целом и, как мы полагаем, морали профессиональной. Анализ формальной стороны позволил еще И. Канту отчетливо описать эту таинственную природу, качественно отличая от морали другие механизмы и способы регуляции поведения людей (кантианский переворот в долгой истории этической мысли подобен коперниковскому перевороту в естествознании). Тем самым удалось вынятным образом отличать собственно моральную регуляцию поведения от всевозможных доморальных и внеморальных способов регуляции (обычай, обычная или народная нравственность, обычное и формальное право, религиозные и эстетические регулятивы, государственно-административные нормы и т.п.). В границах данной интеллектуальной традиции и соответствующих исследовательских программ артикулируется известная *автономность и суверенность морали*, морального фактора в детерминации общественного развития, *безыституциональный характер морали*, ее проницаемость по всем отсекам социальной структуры, "вселенский адресат", универсализм моральной императивности, уход от критерия результативности поступков в сторону их мотивационности, духовный характер положительных и отрицательных санкций и т.п.

Но значительно позднее, после того как была установлена сущностная специфика морального феномена, развитие получил анализ содержательной, количественной стороны этого феномена (например, "меньшее зло"). Он проводился различными методами: социографическими (описательными) [7], социолингвистическими [8], развивая аппарат отраслевой социологии морали, этико-игровыми методами в экс-

пертировании и консультировании исследований тенденций нравственной жизни. Все это дало простор развитию этико-прикладных исследований.

Анализ содержательной стороны морального феномена предполагает и кооперацию прикладной этики с другими дисциплинами современного обществознания. Предполагается оценка не только поступков профессионалов, но и деятельности специализированных институтов (политических, правовых, педагогических и т.п.). Поэтому данный анализ выходит за рамки собственно профессиональной этики и имеет дело со сложным взаимодействием разнокалиберных интересов различных общностей и с соответствующими поведенческими кодексами. В этом ракурсе важно подчеркнуть эвристическую роль профессиональной этики в ходе ее конкретизации к тем или иным видам профессиональной деятельности. В процессе их креации возникает важная и сложная проблема перевода "идеально-должного", чем обычно довольствуется формальный анализ, в "реально-должное", которое оперирует не абстрактными, в сущности - вне социального времени и пространства - представлениями о долге и ответственности профессионала, а представлениями, которые сообразованы с требованиями локального, релятивного времени и пространства и потому отчасти утрачивающими изначальный универсализм. С миром *идеально-должного*, с его морально безупречной мотивацией взаимодействует мир *реально-должного* с его утилитарно-прагматической (смешанной по истокам и по итогам) мотивацией, рождая множество конфликтов с обычно неясными, спорными схемами их разрешения. Если принцип универсализма фиксирует схожесть уровней и свойств процессов модернизации и демократизации общественных отношений, то релятивный подход насыщается ценностями, возникшими и практикуемыми в разных культурных зонах.

Что же происходит с моралью, когда она "прикладывается" к отдельным, в том числе и профессиональным, сферам человеческой деятельности, включается в них? В ряде своих работ мы стремились показать, что при этом речь идет не о простой и неизбежной *детализации* норм и оценок, обусловленных спецификой профессиональной деятельности, а о подлинном *развитии* содержания моральных повелений, запретов и разрешений, о развитии формы морали, ее своеобразного "кода", типов нравственной ответственности и всей структуры этического знания. При этом результаты развития не могут быть извлечены из всеобщих представлений и правил по аксиоматической методике - в этом случае профессиональная этика имела бы дело лишь с элементарной аппликацией, в очень незначительной степени предполагающей моральное творчество. Развитие содержания и формы морали в процессе конкретизации применительно к разным профессиям означает, во-первых, известное преобразование, переакцентировку, в ряде случаев переосмысление моральных представлений, норм, оценочных суждений, их морфологии. Во-вторых, появление новых акцентов в способах "сцепления" моральных ценностей, поведенческих правил между собой и со всеми другими (правовыми, административно-организационными, праксиологическими и иными) требованиями и максимами, с властным обычаем. В-третьих, конкретизация - это изменение места соответствующих ценностей и норм в сложной конфигурации ценностного универсума. Наконец, развитие морали через конкретизацию предусматривает возможность возникновения новых установок, дозволений и запретов, не имеющих применения нигде, кроме определенной сферы профессиональной деятельности, максимально способствующих повышению ее результативности, усилению гуманистических ориентаций деятельности.

К проблеме аутентичности профессиональной морали

С помощью понятия *конкретизации* мы попытались выявить, что же происходит с моралью в специализированных сегментах человеческой деятельности. Поэтому от привычного вопроса о видах взаимодействия морали и политики, морали и экономики, морали и права и др., можно, и необходимо, перейти к вопросу о *креации* соб-

ственно профессиональной морали - *политической этики, экономической этики, правовой этики, этики воспитания и образования* и т.п.

Здесь наблюдаются *двойного рода синтезы* - "сцепления" институциональных и безинституциональных регулятивов, моральных по происхождению и функциям норм, ценностей, санкций и т.п. с множеством неморальных регулятивов - правовых, политических, экономических и т.п. Рельефнее всего подобное сцепление обнаруживается во взаимодействии права и морали, характер которого далеко выходит за пределы одной только, как правило признаваемой в литературе, взаимодополнительности. На стыках этого взаимодействия возникают причудливые новообразования, о природе и статусе которых давно ведутся дискуссии. В результате зарождаются *этико-правовые комплексы*. При этом кажется, будто и мораль, и право как бы утрачивают в подобных синтесах сущностные характеристики, отличительные свойства, перестают быть самими собой. Отсюда берут начало затяжные междисциплинарные тяжбы по поводу принадлежности данного комплекса то ли к миру права, то ли к миру морали - ведь в каждом из этих миров, хотя они и "прикипели" друг к другу, продолжают проявляться свои ценностные логики, нормативный инструментарий, лингвистические правила.

Этико-правовые комплексы находят выражение в упомянутых ранее поведенческих *кодексах* сообществ профессионального типа. Конечно, в реальной практике кодифицирования ощущается явный перекося в сторону формального права, чаще всего наблюдается доминирование административно-правовой составляющей над стороной собственно моральной, что дает весомый повод критикам полагать кодексы внеэтическими документами или этическими только номинально. Кроме того, критики такого рода кодексов указывают, что в отличие от общеморальных кодексов их обязательность распространяется лишь на сравнительно узкие группы членов определенных организаций, что они напрямую завязаны на экономические, престижные, субкультурные и т.п. интересы. Упомянутые опасения представляются нам несколько преувеличенными, так как при этом операции сопоставления производятся в отношении к общеморальным кодексам, к универсальной морали, а вовсе не к ее инобытию - профессиональной этике. Кроме того, должно быть принято во внимание грамматическое родство морального и правового тезаурусов, что видно на примере тождества и различия употребляемых в них понятий должностования, обязательств, ответственности и т.п. [9]. Если первый из упомянутых синтезов носит в общем локальный технологический характер, то другой предполагает рождение, становление профессиональной этики по всем ее направлениям, число которых множится и дробится (субэтики) в современном профессионализированном обществе. Возникает сложная проблема не простого соотношения реалий нравственной жизни с политикой, экономикой, медициной, образованием и т.п., а слияния, "сцепления" этих видов деятельности с преобразованными - в ходе конкретизации - моральными интенциями, гуманистическими ориентациями и ценностями.

Здесь сразу же встает вопрос об аутентичности результатов такого синтеза сущности морального феномена, о возможной утрате новообразованиями "морального первородства", все тот же вопрос о том, не являются ли нормы профессиональной этики всего лишь видимостью морали, а на деле - организационно-техническими правилами? Данное вопрошание провоцируется широко распространенными представлениями о профессиональной этике как только простой совокупности норм, заданных определенным поведенческим стандартом. Подобный нормативный редукционизм препятствует адекватному истолкованию самих этих норм как собственно моральных регулятивов. Для преодоления редукционизма важно иметь в виду, что наряду с *нормативным* уровнем профессиональной этики существует и "сверхнормативный", мировоззренческий, экзистенциальный уровень, задача которого заключается в *обосновании* и *оправдании* состава норм и определенной их иерархии. Представления мировоззренческого яруса морального сознания "проясняют" положение профессионала в системе более или менее подвижных общественных связей в

индустриальном и, особенно, в постиндустриальном социумах. Эти представления позволяют профессионалам выявить личностное отношение к практикуемым предписаниям и оценкам, установить лейтмотивы моральной приверженности им, определить в ходе рефлексии, во имя чего надлежит следовать данным предписаниям, применять именно эти оценочные критерии.

Профессиональная этика не может интерпретироваться в качестве нормативно-ценностной подсистемы, если она сводится к *функции* повышения эффективности специализированной деятельности, оставляя в стороне свою социальную *миссию*. Профессионал не просто следует поведенческим нормам, но и реализует на практике соответствующий образ жизни. А справляется мораль с этой задачей с помощью ряда смысловых понятий. В блоке мировоззренческих представлений выделяется гнездо родственных общеморальных понятий - о *смысле жизни, культурном идеале, духовном совершенстве человека* и т.п. Их включенность в преобразованном виде в ценностную сетку профессиональной этики является своеобразным сертификатом ее аутентичности морали как таковой. Они охватывают все стороны жизни человека, все грани его существования в современном мире, удовлетворяя особые мировоззренческие потребности в ценностном восприятии не обособленных, фрагментированных сторон социальной практики, а всех ее поведенческих аспектов. Это обстоятельство не всегда истолковывается должным образом ввиду того, что мораль на этом уровне непосредственно не принимает императивно-оценочной формы, не указывает прямо на модель надлежащего поведения (установка "не что делать", "не кем быть", а "каким быть"). Но так или иначе обозначенные понятия касаются профессиональной этики (хотя отнюдь не сводятся к ней). Пожалуй, очевиднее всего они интегрируются в понятие профессионального *призвания* (в сакральной или секулярной форме) в его веберовской трактовке как свидетельства "истинного" профессионализма. В век "массовизации" профессиональной деятельности призвание перестает быть безусловной доминантой этического сознания профессионала, уступая место прозаическому функционализму. Это связано и с тем, что в эпоху широкой образованности открываются возможности сравнительно легкого перехода от одного вида профессиональной деятельности к другому (призвание вряд ли имеет множественное число). Не столько уменьшается число людей, воспринимающих свою жизнь как *служение*, сколько их доля в общем массиве профессионалов становится менее заметной, в меньшей степени оказывается объектом морального выбора: призвание не поддается тиражированию.

Обсуждая проблему призвания, профессиональной идентичности, надо отметить следующие моменты: (а) несводимость признаков профессионализма к качествам, присущим специалистам, чем грешит обыденное (и не только) представление о подобной идентичности; (б) несводимость профессиональной идентичности к технической рациональности, оставляя за скобками рациональность культурную, преодолевающую равнодушие действительного профессионализма к надтехническим целям и последствиям его собственной деятельности (Ю. Хабермас); (в) необходимость преодоления отечественной тенденции интерпретации профессионализма как некой суммы свойств, лежащих по "ту сторону" мировоззренческих ориентаций, противостояния тенденции к формальной профессионализации, отлученной от проблемы социального статуса профессионала и его социального и интеллектуального капитала; (г) в этой связи отметим, что в отличие от специалистов, "совокупности" профессионалов образуют самостоятельные сообщества ("цехи"), с собственными средствами *саморегуляции* и ориентации деятельности; наличие таких сообществ видоизменяет всю социальную структуру, содействует тенденциям демократизации индустриального и постиндустриального общества; (д) акцентирование миссии профессиональной этики важно потому, что позволяет увидеть в последней элемент, *превосходящий функциональность*, ориентирующий такую этику на критическое отношение к практикуемым профессиональным *нравам*.

Один из существенных мотивов активизации рефлексии миссии профессиональной этики определяется тем, что профессиональные этики нацелены на выявление границ, пределов *власти над людьми*, которая возникает в процессе реализации специализированной деятельности. Профессиональная этика призвана, с одной стороны, оправдать власть профессионала в сфере его деятельности - без этого он не сможет выполнять свои задачи, с другой — ограничивать полноту власти, которой располагает воспитатель над воспитанником, ученый - над человечеством, политик - над гражданами, врач - над больным, журналист - над получателем информации, менеджер - над подчиненным, предприниматель - над наемным работником, клиентом, потребителем предоставляемых им товаров и услуг. Тем самым профессиональная этика вносит существенные изменения в конфигурацию властных отношений современного общества и предназначена для уменьшения зависимости одного лица от другого, возникающей ввиду различий их общественных функций и профессиональных статусов, для преодоления влияния патерналистских моделей в отношениях между людьми. Поэтому профессиональная этика открывает своеобразное пространство для власти тех, кто лишен властных функций, создавая феномен "власти безвластных" (Х. Арендт).

В наши дни все сильнее проявляется ориентация на профессиональный успех, безотносительный к применяемым для его достижения средствам, угрожающим становится безразличие к последствиям собственной деятельности, тем более, если они носят кумулятивный характер, наблюдается рост известного отчуждения "мира профессионализма" от гуманистических задач профессии. Поэтому апологии профессионализма в современном мире не мешало бы считаться с его критикой и быть умеренной.

В свою очередь, миссия профессиональной этики предполагает и *самокритику* профессии [10], ее постоянное соотнесение с ценностями общества. Поэтому и общество, в свою очередь, держит профессиональную этику под пристальным критическим вниманием. "Время от времени общество должно спрашивать себя, хорошо ли работают те подразумеваемые соглашения, которые оно заключило с профессиональными группами. Если это не так, если баланс нарушен не в пользу лучших общественных интересов в данной области, то, может быть, стоит пересмотреть соглашение" [11]. По всем этим вопросам идут напряженные дебаты, затрагивающие весь фронт этической проблематики профессиональной деятельности, которые хотелось бы видеть и на страницах журнала "Социологические исследования".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., напр.: *Бакитановский В.И., Согомонов Ю.В.* Общепрофессиональная этика: концептуальный замысел // Профессиональная этика. Ведомости. Вып. 25 / Под ред. Бакитановского В.И., Карнаухова Н.Н. Тюмень: НИИ прикладной этики, 2004.
2. См. в жанре словаря: *Бакитановский В.И., Согомонов Ю.В.* Прикладная этика: опыт университетского словаря. Тюмень: НИИ прикладной этики, 2001. См. в монографическом жанре: *Бакитановский В.И., Согомонов Ю.В.* Честная игра: нравственная философия и этика бизнеса. В 2-х томах. Томск: Изд-во Томск. Ун-та, 1992; *Бакитановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А.* Этика политического успеха. Тюмень-Москва, 1997; *Бакитановский В.И., Согомонов Ю.В.* Этика и этос воспитания. Тюмень: НИИ ПЭ, 2002; *Бакитановский В.И., Согомонов Ю.В.* Моральный выбор журналиста. Тюмень: Центр прикладной этики, 2003.
3. Одновременно оно становится и гражданским обществом, отделяется от государства, которое после осовременивания вступает в многоканальную связь с обществом. *Бакитановский В.И., Согомонов Ю.В.* Гражданское общество: новая этика. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2003.
4. Отношение "народная нравственность" и "мораль" можно рискнуть уподобить отношению "право обычное" и "право формализованное".
5. См. *Луман Н.* Честность политиков и высшая аморальность политики // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1.

6. См. *Бурдые П.* Социология политики. М.: Socio-Logos. 1993. С. 228.
7. Что касается социографии, то в этом преимущественно очерковом жанре известность приобрели работы О. Тоффлера, Д. Белла, З. Баумана, С. Великовского, В. Канторовича и др. Наконец, о правомерности социологии морали см. нашу статью на эту тему в журнале Социол. исслед. 2003. № 5 и *Соколова В.М.* Социология морали - реальная или гипотетическая? // Социолог. исслед. 2004, № 8.
8. Стоит заглянуть в академические издания этимологического Словаря русского языка и иных европейских языков, чтобы обнаружить бездну лингвистических возможностей для нелинейного, гибкого, многозначного использования базовых этических понятий, их коннотаций, паремических и беллетристических форм при содержательном анализе моральных проблем. (См. Логический анализ языка. Языки этики. Языки русской культуры. М., 2000).
9. Долг, бесспорно, представляет собой обязанность. Но не "от" и "до", со строго определенным, регламентированным объемом. Долг берет начало не откуда-то извне, а предполагает *самонахождение*. Долг вытекает из ответственности перед самим собой, собственной совестью, не перед "кем-то или чем-то", а "за что-то" - это определяется самим субъектом должностования независимо от служебных инструкций и правовых императивов. Если обязанности коррелирует со *службой*, с должностью, социальным рангом, то долг - со служением *Делу*, содержание которого прямо не заложено в целевом секторе институции или организации. Служение может быть слабо выраженным, но может быть содержанием личной самореализации, глубокой преданности Делу, вплоть до полной самоотдачи ему.
10. Характерный пример - формирование специального направления в журналистике под названием *медиакритика*, существенным содержанием которой является этическая критика журналистской практики. См.: *Короченский А. П.* "Пятая власть"? Медиакритика в теории и практике журналистики. Ростов-на-Дону. 2003.
11. Professional ethics. International encyclopedia of ethics. Ed. *J.K. Roth*. London-Chicago: FD. 1995. P. 703.